

В ПОИСКАХ СИНЕГО

И. С. Захарян

*Цвет небесный синий цвет
Полюбил я с малых лет,
С детства он мне означал
Синеву иных начал.*

Н.Баратошвили, Б.Пастернак

Открытое обсуждение материала сессий в доступной нам русскоязычной литературе встречается не так часто. В то же время именно этот материал представляет очень большой интерес. Это своего рода заочное супервидение, где все повороты консультативного процесса могут быть обсуждены открыто. Ниже приводится описание работы с мальчиком-подростком, основной жалобой которого были гневные неконтролируемые состояния, а внутренней проблемой - поиск своего места во взрослом мире, своей мужественности. Он, назовем его Андрей, пришел ко мне из неврологического отделения, пришел вместе с мамой. Ему 11 лет, крепкий, коренастый, какой-то немного "нахохлившийся" - таким показался он мне при первом знакомстве. Итак, что же произошло, с чем они пришли ко мне? Андрей упал с пятого этажа. Упал удивительно удачно, в пяти сантиметрах от его головы остался железный лом, воткнувшийся в землю, он ничего себе не сломал, отделался ушибами. Врач, принимавший и лечивший его, сказал, что он родился в рубашке. Через пять дней его выписали. Но дома с ним стали происходить странные вещи. Он впадал в приступы страшного гнева по малейшему поводу, бил и крушил вещи, мебель, кидался на старшего брата, очень сильно "врезал" младшему, когда тот хотел его успокоить. После приступов приходило отчаяние, когда он часами лежал и плакал, говорил, что лучше бы разбился насмерть. По ночам его мучили кошмары. Страшные сны бывали и до падения, но после они участились и, если раньше гнались и пугали его, то теперь он сам во сне преследовал и жестоко убивал свою жертву. Еще он жаловался на сильное ослабление памяти после падения. Говорила в основном мама, несколько сумбурно рассказывая мне о себе, своей жизни, своей семье. Основные моменты ее рассказа я повторяю здесь, т.к. они имеют отношение к пониманию ситуации, в которой оказался Андрей. Анастасия Егоровна (имя условно) - очень крупная и, видимо, сильная женщина - работает поварихой в одной из школ города, встает и уходит на работу в четыре часа утра, приходит вечером, очень устает. Андрей и его младший брат - ее дети от второго брака. Первое замужество было неудачным, по словам самой Анастасии Егоровны, муж пил. Есть сын от первого брака, тоже "неудачный": мальчику семнадцать лет, уровень умственного развития соответствует десяти годам, учится во вспомогательной школе, два раза лежал в психиатрической клинике, попадал туда после приступов сильной агрессии, во время которых все крушил в доме, выкидывал вещи в окно. У отца с приемным сыном отношения сложные, по словам матери, она "между ними". Отец - ведущий инженер в научно-исследовательском институте, приходит с работы еще позже. Андрей - "любимый" отцовский сын, его "надежда и опора". В отличие от старшего сводного брата он всегда хорошо учился (в одном из лучших лицеев города), был умным и самостоятельным. Он примирял семейные конфликты. Есть еще младший брат, ему девять лет, он занимается спортом (играет в теннис), у него масса достоинств, почетных грамот, дипломов. Но есть одна беда: он страдает энурезом. Маму пугали не только сами приступы Андрея, но сходство поведения среднего и старшего сына. И мать и сын говорили о падении как о каком-то рубеже. Мать думала, что от удара у него что-то "повернулось" в голове, однако обследование головного мозга не показало никаких изменений. Сразу хочу признаться, что у меня в процессе работы, конечно, возникали интерпретации, идущие от психоаналитических идей. Они прежде всего были связаны с

проявлением "эдипова комплекса" у мальчика с "двумя отцами" (реальным отцом и старшим сводным братом). В этой семье сильна конкуренция между двумя старшими мужчинами (тем более, что они не родные), и мать "между ними". С этим связана сложность при формировании сексуальной идентификации. Образ мужчины, находящегося рядом с матерью, раскалывается. С одной стороны, это как будто может упрощать конфликт: все хорошее можно приписать одному, а все плохое - другому. Но ведь мать любит обоих и мечется между ними. Возникает сложный выбор. Эти идеи помогли мне глубже понять происходящее, но что они могли бы дать Андрею, поделись я с ним своими размышлениями? Актуальное взаимодействие с ним на его символическом материале представлялось мне более продуктивным. На первой сессии вместе с мамой он следил за ее рассказом о нем, временами раздраженно встревал, поправляя и ругая ее за неточности. Он производил впечатление взъерошенного и обиженного зверька, все вокруг были виноваты: врачи - что рано отпустили, младший брат - что хотел остановить, старший - что вообще существует, - но больше всех виновата была мать, каждое ее движение вызывало раздражение. Его как будто бы не было в его собственной жизни, он весь сосредоточился в отталкивании. Но уже со второй сессии все стало меняться. Мы начали обсуждать его гневные состояния. Я предложила ему нарисовать свой гнев. Андрей начал медленно. Появился контур человеческой головы, линия переходила в плечи. - Твой гнев в голове. - Да, там как будто лампочка загорается. Он рисует лампочку внутри головы. Интересно, что лица на рисунке нет, это затылок? Я уточняю, Андрей говорит, что это "просто голова". Мое ощущение буквальной обезличенности не рассеивается. Лампочка внутри начинает разгораться: Андрей берет более интенсивный красный цвет. А: И вот так она загорается, и лучи начинают по всему телу расходиться. Все сильнее и ярче, напряжение нарастает и, наконец, А: Взрыв! И осколки летят во все стороны. Красные полосы на рисунке вырываются за пределы синего контура головы как бы нарушая пределы. Так бурно он начинает исследовать границу своего контакта с миром. После "взрыва" он некоторое время молча смотрит на рисунок. И затем на мой вопрос о состоянии говорит, что теперь ему легче, он "остыл". Эта сессия была в каком-то смысле ключом к нашей дальнейшей работе. Не в том смысле, что она определила главную и единственную тему, а именно в смысле открывания дверей, пути к новым возможностям. В течение этой сессии, как и в трех следующих, мы работали с выражением гнева. Возможность свободного выражения гнева была первой насущной потребностью, которая находила свое разрешение в нашем контакте. Кроме рисунка мы работали с голосом, с движением, мы вместе искали разные пути выражения агрессивных эмоций. По мере разрядки гнева за ним проявлялась новая фигура, пока неясная, но очень важная для самого Андрея. Начинала звучать тема несостоятельности, неуверенности в себе. В конце четвертой сессии, посвященной прояснению отношений со сверстниками (мы работали в технике двух стульев) он вдруг спросил, сможет ли он еще походить ко мне на занятия после того как его выпишут.

И: А тебе это нужно?

А: Да, я чувствую себя увереннее, но еще не совсем.

Встречи наши продолжали начинаться его недовольством: окружающие не так с ним обращались, как ему бы хотелось. Описывая ситуации, он как бы расчерчивал пространство руками, обозначая для себя и для меня формы и объемы, его способность и склонность работать с цветом была видна в рисунках. Способом, объединяющим возможности пластического и цветового выражения, стал пластилин, работу с которым я предложила ему на пятой сессии. Он с радостью откликнулся на это предложение. Сейчас не знаю, была ли моя мысль о пластилине результатом рационального соединения

"пластики" его описаний с цветом рисунков, скорее всего нет, но именно она стала счастливой находкой в нашей работе.

А: Во мне как бы два человечка: один все время хочет драться, он пусть будет красного цвета, а другой его боится, ну, он будет предположим белый.

Говоря это, он лепит сначала красного, потом белого человечка. Он сначала вылепливает параллелепипед, аккуратно подравнивая его со всех сторон, потом разрезает с одного бока, делая ноги, потом приделывает руки и голову. Фигурки крепкие, устойчивые, хоть и несколько грубоватые в своих робото-формах. Я слушаю его комментарии, спрашиваю о возможностях и способностях одного и другого, проясняю место каждого из них в его жизни.

А: И потом красный идет на белого. Начинают драться. Белый тоже начинает краснеть, и они вот так в один красный ком.

Он показывает движения красного и белого, красный - в правой руке, белый - в левой, но в общий ком их не сминает, видимо, они нужны ему еще по отдельности. Напряжение нарастает, эта внутренняя драка - стереотипная форма его реагирования на очень разные ситуации: мать не спросила его - наняла репетитора по математике. "Я буду издеваться над ней". Просил принести картошку в банке, принесла в пакете - чуть не истерика - и т.д. Пожалуй, все эти ситуации объединяет одно качество: в них всегда кто-то за него решает. Возможно, своим гневом он закрывается от переживания своей неуверенности. Неуверенности в способности сделать самому свой выбор.

И: И что же дальше?

А: Дальше появляется желтый и разнимает их. Андрей берет желтый пластилин.

Фигурку желтого он лепит долго, более тщательно.

И: Кто этот желтый?

А: Отец, может быть.

И эту ситуацию решает не он, хотя она внутри него.

А: А, может, и не отец. Иногда отец, иногда кто-то другой.

Это, как мне кажется, очень важный момент, Андрей хотя и отчасти пока, но все же принимает ответственность.

А: Желтый всегда спит, он просыпается только когда они дерутся. Вот так, момент драки - момент оживления.

И: Только их драка его будит.

А: Ну да, остальное время он спит. Желтый - интегрирующая в этой ситуации часть его "Я", т.к. именно она не "вступает в драку" и не боится, а "разнимает, мирит" красного и белого. Желтый засыпает, отдавая внутреннее пространство гневу и страху, как он сам обозначил роли остальных. Поэтому мне важно здесь поддержать присвоение им его желтой части и в то же время вступить в некоторую оппозицию к его сну.

И: А ты вообще любишь поспать.

А: Ну да, так.

И: Что тебя будит?

А: Будильник.

И: Видимо, для желтого драка - это будильник.

А: Да, наверное.

И: Но, возможно что-то еще может быть будильником?

А: ... Ничего.

И: Ничего...

"Ничего", - довольно драматичный ответ, Андрей долго думает над ним и произносит с какой-то злостью, как говорят "в сердцах". В этой сессии мы остановились на рассерженной ноте. Мне бы, может быть, хотелось (особенно сейчас, когда я все это описываю), чтобы окончание было каким-нибудь другим, ну, например, таким:

А: Но даже когда спит, желтый - начеку.

И: Начеку. "Начеку" - значит "есть", значит "жив", хоть и спит.

Но на самом деле так не было. В следующей работе я, возможно, постараюсь не останавливаться на моментах, где решение еще не найдено. Но в его "ничего" было много энергии. На следующий день Андрей не пришел. Мне было немного тревожно, но я верила в его силы. Это был кризисный момент. Как потом он описывал: "Я ходил по коридору (больницы) и повторял себе: "Ну, просыпайся же, просыпайся". И так разозлился, что сбежал". Сбежал он домой и в тот же день вернулся, в больнице не было никакого переполоха, но в его душе, видимо, был. Через день была наша шестая встреча. Он был встревожен. Весь час говорил сам, рассказывал истории из своей жизни, лейтмотив которых оставался прежний: кто-то решает за него, он недоволен. Но поменялось его отношение к ситуации: теперь он был недоволен не только кем-то, ясно звучало недовольство собой. Мне важно было прояснить этот мотив в контексте нашей работы.

И: Мне кажется, ты на меня за что-то обижен.

А: Я (начинает как-то напряженно соображать, как будто что-то искать) обижен?... Да не может быть... Хотя действительно, сегодня я как-то не так сюда шел. Да... обижен... что же это. Да, ну вот я тут рассказываю, вроде легче становится, но все равно не понятно...

И: Значит я плохо работаю.

А: Нет, вы хорошо работаете, но у меня концы с концами не сходятся.

И: Ты хотел бы, чтобы сошлись концы с концами.

А: Истории-то все разные я рассказываю, не понимаю, как они связаны.

И: Тебе хотелось бы их связать.

А: Ну да, наверное.

Седьмая наша встреча начиналась его недовольством. Медсестра Вера не дала таблетку, он ее просил - просил, а она как не слышит. И вообще она его всерьез не воспринимает, относится к нему как к маленькому, более взрослым позволяет называть ее "на ты".

А: Борьке тринадцать, ему можно ее "на ты" называть. Ну что эти два года, мне одиннадцать. Он как будто не находит точных слов для определения своего состояния. Он морщит нос, чуть приподнимая верхнюю губу, глаза смотрят вниз, так смотрят на что-то очень неприятное. Я повторяю выражение его лица.

И: Одиннадцать, действительно, возраст какой-то

А: дурацкий, и не туда и не сюда.

И: И не туда и не сюда.

Одиннадцать - какое-то безвременье, которое мы с ним вместе пытаемся превратить в межвременье, а потом и просто в момент жизни. Он продолжает понемножку бурчать и жаловаться на окружающих.

И: Ты сейчас что делаешь?

А: Нет, я не жалею, это не в моих правилах.

Он берет в руки пластилиновых человечков, смотрит на них.

И: Как ты думаешь, в трудной какой-то ситуации, что будет делать красный и что белый?

А: Ну, красный будет драться, а белый... И: пожалуется кому-нибудь более сильному?

А: ...да, наверное. Вот я говорю, что они не мои, они откуда-то плюхнулись в мою жизнь. Их не должно было быть. В это время он берет желтого человечка и ножом для пластилина ковыряет ему грудь. Отторгнутая (уснувшая) часть "Я", возвращаясь, ищет свое место и продолжение в истории жизни личности.

И: Ты сердишься на него.

А: Да, я злюсь на него, это он все проспал. А должно было быть все не так. Знаете как должно было быть! Их не было, был один желтый. Должен был появиться синий.

Начинает звучать новая тема, тема восстановления связи времен (в этот "дурацкий" возраст иногда происходит то, чего "не должно было быть", и наступает "не свое" будущее, что-то "должно было" случиться и не случилось). В его словах довольно много энергии, но какой-то рассерженной, энергии неслучившегося. Желтого он отбрасывает и

берет довольно длинный кусок коричневого пластилина, лепит столб и делает на нем какие-то зарубки.

И: Что это?

А: Это как бы такая полка или шкаф. Здесь на таких дискетках записано все, что со мной происходило. И принадлежит он желтому. Желтый должен был передать его синему, когда синий появится. Но синий не появился, а плюхнулись эти двое.

В нашей истории замаячил новый герой - синий. В мальчике должен был проявиться мужчина, но гнев и страх помешали его появлению. В руках его коричневый "информационный столб", он разравнивает пластмассовым ножиком его грани, "стирает" сделанные до этого "полочки".

И: Что-то происходит с информацией твоей жизни?

А: Да, она стирается. Я забываю.

И: Это очень важно, чтобы синий появился.

А: Да, но теперь я не знаю где он. Может, он вообще не появится. Или, может, он где-то заблудился. Не знаю я, где он.

И: История длилась - длилась и прервалась.

А: Да, прервалась. Вот, когда я упал, или даже как-то раньше.

Здесь впервые у Андрея возникает предположение о том, что его внутренний кризис начинается не с момента падения, а "как-то раньше". После падения он "все рассказал", все свои проступки, все, что делал наперекор распоряжениям матери, что составляло его тайну, все "выдал". Он самоутверждался этим противостоянием матери. Но это был тоже своеобразный отказ от самостоятельного выбора: не так, как велит мать, а просто наоборот - это проще, чем искать свой третий путь. В какой-то момент Андрей потерял внутреннюю опору или, может быть, не нашел ее. Он сошелся ближе с компанией сташего брата, хотя как будто бы и не хотел сходитья (а уж родители-то как этого не хотели), чаще стал делать то, что как будто бы и не хотел делать. Чем дальше, тем больше возникало ощущение неслучайности его падения. Это была не только внешняя, но и внутренняя потеря опоры.

И: Кто бы мог продолжить историю?

А: Никто. ... Желтый..., но он спит.

И: А сейчас ты какой?

А: Красный.

Нет, это уже старая тема, он был красным - агрессивным в первой половине нашей работы, но не сейчас, и, подумав, он говорит.

А: Но я ведь не дерусь с вами. Нет не красный. И не пугаюсь - значит, не белый. Так что, выходит, желтый? Он думает. Его размышления никогда не бывают холодно логическими. Они больше похожи на прислушивание к себе, к тому, что с ним происходит.

А: Да...желтый.

И: Желтый и не спишь?

А: Не сплю.

И: Как же ты проснулся?

А: Не знаю...

Он начинает задумчиво говорить о том, что он теперь сильнее и может меньше спать, а руки его сами собой лепят меч из желтого пластилина. На следующую встречу он пришел радостный. Весь час рассказывал взхлеб истории из своей жизни. Я слушала. Ближе к концу я спросила его, как он себя чувствует.

А: Я как будто бы вернулся к тому каким был раньше.

И: Ты так точно и детально все помнишь.

А: Это только то, что раньше было, а что сейчас - совсем не помню...

Он хмурится, но сейчас в жалобе на память есть явная доля кокетства. Хотя действительно, все истории, рассказанные им в этот день относятся к "былым похождениям". Девятая сессия начиналась тоже без былого "бурчания". Он вспомнил про своих человечков, стал их "подравнивать", поправлять.

И: Как там синий?

А: Я думаю, что это только время решит, когда он появится. Его слова еще раз подтверждают мое предположение о том, что "синий" - некоторое будущее состояние, дорогу к которому он ищет. Ему хочется встретиться с мужчиной в себе, и он не решается.

А: Но просто ждать тоже опасно.

Он может тогда сам не появиться. В пространстве его внутреннего мира синий уже появился или, вернее, он стучится в его душу (как пепел Клааса).

И: Ты хотел бы почувствовать себя мужчиной.

А: Да... Он как будто в замешательстве. Сейчас чтобы почувствовать себя мужчиной ему нужна какая-то еще поддержка кроме моей.

И: Кто-то мог бы помочь тебе. А: Да... но я не знаю, захочет ли он... "Он"- вот, сейчас ему нужна поддержка какой-то мужской фигуры.

И: Ты мог бы представить себе этого человека вот здесь (ставлю второй стул) ?

А: Да, пожалуй...

Он смотрит на стул напротив и что-то начинает происходить. Он напряженно смотрит на стул напротив, руки сжимают подлокотники кожаного стула, молчит, потом переводит взгляд на своих пластилиновых человечков, которые стоят на столе возле него.

А: Что-то происходит...(он толкает человечков "лицом" на стол) они все не то умерли, не то уснули... как же я без них, это же мои части... Но теперь есть время появиться синему. Времени очень мало, может не хватить. Он хватает синий пластилин и начинает лепить синего. Напряжение растет.

И: Я могу тебе чем-нибудь помочь?

А: Да, вы можете подействовать на них, чтобы они подольше не просыпались.

Это очень важный для каждого из нас момент. В его истории - это проявление нового персонажа. В моей истории - это путешествие в его пространстве. Чтобы дальше он мог путешествовать сам, сейчас ему нужен помощник и мы идем вместе. Психолог, возможно, назвал бы это позитивным "трансфером", "переносом". Я как бы попадаю внутрь его истории, становлюсь одним из его персонажей. Происходит переверачивание треугольника автор-герой-зритель и сейчас он - автор. Вернее, в повседневной жизни он отдает авторство кому-то более сильному, возможно, маме, сам становясь зрителем собственной жизни. Но сейчас я не могу позволить ему быть зрителем, ведь на самом деле автор - он. И я спрашиваю:

И: Как я могу на них подействовать?

А: Вы можете их загипнотизировать.

В каком-то смысле это звучит для меня как "влюбите меня в себя", и у меня есть выбор: или прямая конфронтация ("я не владею гипнозом", например), или попытка прояснения желания, сохраняя игровой баланс символического и реального уровней. Я пробую второй вариант.

И: Тем самым я помогу синему появиться?

А: Нет, синего должен сделать только я сам.

Андрей лепит синего, он очень спешит, ноги не получаются, он сминает все, лепит заново.

А: Желтого я тоже долго лепил, дольше, чем красного и белого. Желтый на самом деле сильный, он только силы своей не знает.

И: Желтый сильнее, чем ему кажется.

А: Да, сильнее. Тело синего готово, но еще нет головы и рук.

Андрей поднимает желтого человечка.

А: Желтый проснулся.

Продолжает лепить. Когда все уже почти готово, поднимает красного.

А: Красный проснулся.

И тут же в центр поля он с размаху ставит синего. Руки у него сделаны из пластилина чуть-чуть другого оттенка.

А: Успел. Но руки у него временные, потом руки будут другие. Ура! Правда, руки пока временные.

А: Да, но что будет, когда красный опять пойдет на белого? Желтый теперь не спит и есть синий. Но мечом можно нанести только один удар.

(Интересно, что это перекликается с архитипическим образом меча, получаемого Парсифалем в замке Святого Грааля. Меч должен сломаться в первом же бою. Обновить его может только тот кузнец, который его делал. "Если кузнец перекует этот меч, он уже никогда больше не сломается". Подробнее об этом см. в кн. Джонсона Р.А. "Он. Глубинные аспекты мужской психологии").

А: А ведь если красный и белый появились в моей жизни, это не просто так, зачем-то они мне нужны.

И: Ты хотел бы что-то оставить от них.

А: Да, но что... От белого должна остаться осторожность, а от красного - решительность. Информационный столб у синего будет свой, он будет семицветный. Там ведь дети пойдут, жена. Девочка - один цвет, мальчик - другой, жена - третий... Может быть, так будет: красный и белый сцепляются, синий и желтый их обступают и тут удар (все это он проигрывает фигурами), головы красного и белого отлетают, ... все.

И: Ты хотел бы, чтобы было так.

А: Ну да, так было бы нормально... Но будет скорее всего не так. Красный пойдет на синего, а белый на желтого. Желтый быстро справляется с белым, а вот синий...руки-то у него временные. Красный начинает его побеждать. И тут желтый отрывает половину информационного столба...Вот! Вот мое падение...Или даже раньше, когда я пошел не в ту колею...

Второй раз возникает это "раньше", как момент осознания того, что душевный разрыв, кризис связан не именно с внешним моментом падения, но с тем, что происходило с ним "до того", с тем, что он пошел "не в ту колею". Моя роль могла быть в том, чтобы не обвиняя и не пугаясь его страхов, поискать вместе с ним новый возможный путь.

А: И он дает эту половину синему (половику коричневого информационного столба - И.), как дубину. Синий этой дубиной побеждает красного, голова откатывается и они с желтым восстанавливают информационный столб. Вот, теперь я понял, постоянные руки у синего будут из красного и белого. Да, вот так. Мне теперь надо подумать. Но думать я могу только вечером, часов после десяти, когда тихо и темно.

И: Что ты сейчас чувствуешь?

А: Я чувствую себя сильнее.

И: Где твоя сила?

А: В голове. Я умею думать.

Проявилась фигура синего как фигура потребности стать мужчиной. Чтобы почувствовать собственную мужественность нужно "победить" (не в смысле "уничтожить", а в смысле "овладеть, стать сильнее, присвоить") свой гнев и страх, своего красного и белого. Но путь, шаг еще не совсем ясен, есть предположения, которые Андрей проверяет в действие, но пока это гипотезы. Несмотря на два проигранных варианта схватки красный и белый пока остаются "в игре". Десятая встреча начиналась с его рассказа о том новом, что он в себе чувствует. "Во мне спокойствие какое-то появилось,- говорил он.- То, что раньше меня просто бесило, сейчас уже так не выводит". Потом он рассказывает несколько примеров из своей теперешней жизни. Вновь возникает фигура "помощника". На мой вопрос, какой цвет пластилина он взял бы для его фигурки, Андрей отвечает, что он "семицветный".

И: А ты напротив него какой?

А: Зеленый.

И: Ты знаешь, что если желтый смешать с синим - получится зеленый?

А: Нет, я никогда краски не смешивал.

И: Хочешь попробовать?

Я предлагаю ему эксперимент, связывающий разные цвета. В нем есть желтое (детское) состояние и синее (мужское). Появление зеленого как теперешнего актуального состояния может быть шагом, восстанавливающим прерванную связь. Здесь автор, нашедший действительное реальное состояние его "Я",- он сам. Но происходит это стихийно, вне связи с прошлым и будущим, вне истории его жизни. Чтобы восстановить эту связь психолог становится автором на момент и предлагает эксперимент. Если эксперимент удачен, он закрепляет "авторство" клиента. Андрей берет акварель, кисточку и смешивает на листе синий и желтый цвет. Эксперимент доставляет ему (и мне) явное удовольствие. На этой радостной точке мы останавливаемся. На следующей встрече Андрей продолжает исследовать новый опыт "смешивания" красок. Для него неожиданно, что получается не просто "грязный" старый цвет, но интересный новый. Кроме того, у него появляется возможность исследования оттенков. От смешивания акварели он переходит к попыткам смешивания пластилина. Это новый опыт не только для него, но и для меня. Если с кусочком желтого пластилина смешать кусочек синего, действительно, будет зеленый. Мне кажется, это очень важный интегрирующий опыт. Зеленый становится метафорой перехода от желтого к синему, перехода не через "грязно-желтый", а через самостоятельный, отдельный цвет - зеленый. Для Андрея, возможно, это и есть опыт преодоления "безвременья". Не переживания того, что называется "переходным возрастом", а проживания его. Двенадцатую сессию он начинает тем, что у него есть только одна, но ужасная проблема. Медсестра оставила в палате три иглы от шприцов. Две он ей отдал, а одну оставил себе плести "фенечки" (небольшие веревочки из ниток мулине, которые на счастье завязывают друг другу на руку). Пластмассовый набалдашник отломился, этой иглой он машинально тыкал в подушку своего соседа (сидел на его кровати), и игла ушла в подушку. Он тут же, ничего не говоря, забрал подушку себе, соседу отдал свою. Но ему скоро выписываться, и его мучает мысль о том, что игла потом может выйти и вколоться кому-нибудь в голову. Он явно ждет от меня совета, я -

"сильный старший товарищ",- срabатывает старый стереотип. Мы как будто идем по кругу. Пройдя уже некоторый путь на символическом уровне, Андрей во встрече с реальностью "начинает сначала". Но я хочу, чтобы он сам научился ориентироваться в своей жизни, советов не даю.

А: Техничкам сказать - так они по голове половиком надают. Я думал, может, распороть, мальчишки говорят, давай распорем. Я как дурак на сто раз уже эту подушку прощупал вот так пальцами. Мамочка там еще одна в нашей палате лежит, она тоже прощупывала. "Вот,- говорит,- нашла". А это большое перо оказалось. Как найти свою иголку в чужом стогу? Иголка-то моя, а стог-то чужой. Матери сказать, она новую подушку купит. Но это ведь она. А сейчас скоро меня выписывают, кто-то ляжет, или даже я сам через два месяца приду, лягу...

И: Тебе страшно даже думать об этом.

А: Да, этот страх как будто гонится за мною.

И: Какой он? А: Такой белый, большой, как приведение.

И: Ты мог бы нарисовать его?

Он рисует ручкой большое белое приведение с черными глазами, длинными руками и огромным ртом. Рисует без особого желания, он как будто не получил, чего хотел.

И: Большое белое приведение, а ты какой?

А: Тоже белый почему-то.

Я предлагаю ему "побыть" приведением, он отказывается. "Не могу, не хочу, ничего не чувствую". Он начинает рассказывать истории, где кто-то в чем-то его подозревает, а он на самом-то деле не виноват. И я понимаю, что его страх не просто страх (темноты или одиночества), он боится почувствовать себя виноватым.

И: Наше время подходит к концу. Как тебе сегодняшняя работа?

А: Как-то часто на одном месте толклись.

И: Кто-то в этом виноват?

А: Я.

И: Ты чувствуешь себя виноватым.

А: Да, но мне трудно об этом говорить. Я в глаза вам не смотрю. Я вообще людям в глаза не смотрю. (Смотрит в этот момент мне в глаза).

И: Но сейчас ты смотрел мне в глаза. Тебе трудно, но ты говоришь о своей вине. Может ты попробуешь выразить свое чувство, глядя на меня?

А: Нет, не могу.

И: Какой ты сейчас?

А: Зеленый.

Он прошел через признание чувства вины в нашем взаимодействии и, может быть, теперь оно не будет так его пугать. На следующую встречу он приходит довольный.

А: Я решил проблему.

Он рассказывает о своем решении (распорол подушку), о том, как пришлось все-таки разбираться с техниками, не все получилось так, как он рассчитывал, но сделал он все сам и проблема решена. Еще он говорит о том, что вчера подрался. Но о драке он рассказывает иначе, чем раньше, это не драка в прежнем смысле слова.

А: Первым я не лез. Но если ему хочется, я отмазываться не стану. Я всегда давал ему отдышаться, ждал. Или там медсестра идет - мы сели - сидим как ни в чем не бывало. Только она прошла - я не начинаю, может он не полезет больше - нет, лезет. И в больные места я его не бил, ни по морде, ни в живот ни разу не попал.

И: Тебе удавалось "сохранять голову" даже в драке.

А: Ой, слушайте, мне очень хочется слепить оранжевого.

Он лепит оранжевого человечка и говорит, что он (оранжевый) - наблюдатель. "Как судья на рыцарском турнире" (образ его). Оранжевый может со стороны взглянуть на ситуацию, осадить красного, если он действует не по правилам. Он и сильный и спокойный, сам он в бою не участвует, он наблюдает. Вот он, тот важный соединяющий шаг. Необходима была способность отделиться, посмотреть на ситуацию со стороны, именно это и стало моментом роста. После появления оранжевого вновь разыгрывается схватка синего и желтого с красным. И теперь они (с помощью оранжевого) побеждают. Белый убегает, желтый догоняет его. Головы белого и красного он оставляет, смешивает их в один розовый комочек, из которого "можно сделать защиты им всем" (желтому, синему, зеленому и оранжевому), прилепив по кусочку к груди.

А: Вот это настоящая история. (Он доволен и спокоен).

И: Я рада, что ты нашел настоящую историю.

А: Я тоже рад. Сегодня меня выписывают. Я смогу прийти к вам еще, если будет нужно?

И: Да, конечно. (Я записываю ему номер телефона, по которому он может позвонить и договориться о встрече).

А: Я позвоню вам сам.

Бог любит троицу. В этот третий раз он дошел до конца этой истории. Выбор определялся его внутренним ощущением правды, соответствия избираемого варианта действия чувству и мысли. Он нашел нового оранжевого помощника. В реальной жизни критерием роста стало самостоятельное решение ситуации, которая раньше представлялась неразрешимой. Теперь он может обойтись без меня. Это радостно и грустно одновременно. Страшные сны его больше не мучают, и приступы разрушительного гнева больше не повторялись. Остановился на том месте серый волк и

сказал: "Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга". Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

По материалам <http://gestaltplus.narod.ru/content.html>